
НОРМАТИВНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ ПРОТИВ ЯЗЫКОВОЙ МОДЫ

О.А. Крылова

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

В статье обосновывается необходимость сознательного и критического отношения к языковым новациям; показано, как бездумное следование языковой моде нарушает стилистические нормы литературного языка и нормы речевого этикета; необходимость сохранения кодифицированных норм рассматривается как условие самого существования литературного языка.

Ключевые слова: языковая мода, языковая норма, консерватизм нормы, языковая политика, речевой этикет, релятивы.

С 3-го по 6-е февраля 2010 г. в Российском университете дружбы народов проходила Международная научно-практическая конференция под эгидой ЮНЕСКО «РУДН — знанием объединимся. Итоги 50 лет подготовки кадров для развивающихся стран мира». Выступавший на конференции председатель Комиссии Совета Федерации по культуре А.С. Дзасохов отметил, в частности, большую роль русского языка в научно-образовательной деятельности университета, констатируя, что «русский язык — это самый короткий путь для молодежи», стремящейся приобщиться к знаниям, получить возможность познакомиться с достижениями в области науки и культуры.

Не случайно, что с самого первого дня образования Университета дружбы народов русский язык, проблемы его изучения и преподавания оказались в центре внимания, в связи с чем именно здесь начали закладываться основы методики преподавания русского языка как иностранного. Естественно, что речь шла об изучении и преподавании современного русского *литературного* языка.

Но за последние полвека в русском языке произошли значительные изменения: появилось огромное количество новых заимствований; наблюдаются сдвиги в стилиевой системе русского литературного языка; возникли новые «правила» употребления языка в Интернете и др. В этих условиях перед преподавателями русского языка возникают чисто практические вопросы: как относиться к различным новациям? Обучать ли иностранных студентов кодифицированным нормам литературного языка или разговорной речи? Следует ли знакомить учащихся с инвективной лексикой? и т.д. и т.п.

Думается, что решение этих и других вопросов, возникающих в связи с изменившейся ситуацией, требует выработки и последовательного проведения *государственной языковой политики*, для чего важно осознание того факта, что литературный язык не совпадает с общенациональным языком и что не все новации, появляющиеся в живой разговорной речи, должны объявляться нормативными.

Изменение норм русского литературного языка — процесс совершенно естественный и закономерный, связанный с тем, что любой язык постепенно развивается и изменяется. Однако положение литературного языка в этом процессе особое. Литературный язык характеризуется наличием кодифицированных норм, а одно из кардинальных свойств кодифицированной нормы — это ее устойчивость, ее консервативный характер. Напомним известное высказывание А.М. Пешковского по этому поводу: «Если в языке «все течет», то в литературном наречии это течение ограждено плотиной нормативного консерватизма... Не трудно видеть, что этот консерватизм не случаен, что он тесно связан... с самым существованием литературного наречия и литературы» [1].

Что же мы наблюдаем в современном состоянии русского языка, в отношении к нему в современном российском обществе на постсоветском пространстве? Разумеется, исчерпывающий ответ на этот вопрос требует освещения очень многих фактов и разнообразных факторов — как собственно лингвистических, так и экстралингвистических, — характеризующих и определяющих это состояние. Но если попытаться определить его кратко, то можно говорить о *расшатывании литературной нормы в целом*. Огромную роль в этом играют, в частности, средства массовой информации, прореагировавшие на отмену цензуры снятием почти всех запретов и неправоммерно расширившие языковую базу газетно-публицистического стиля — настолько, что можно говорить, вслед за В.Г. Костомаровым [2], о «языковой эклектике» в газетной речи, а она, в свою очередь, становится для широкой аудитории образцом, распространяя эту языковую эклектику и на другие сферы коммуникации.

Кроме того, свою лепту в процесс расшатывания литературной нормы внесли также центробежные тенденции постперестроечных лет, проявившиеся в стремлении отдельных регионов к сепаратизму. Достаточно напомнить только два факта такого характера: первый — это попытка замены кириллического алфавита латиницей в Татарстане, а второй связан с объявлением местного, диалектного произношения вариантом литературного (имеем в виду произношение редуцированного [ъ] вместо [а] в первом предударном слоге после твердых согласных, т.е. нарушение литературного аканья, имеющее место в пермских говорах и проникающее в речь даже носителей литературного языка, т.е. произношение [мьльдоj] вместо литературного [мьладоj]). Но среди многочисленных и разнообразных факторов, расшатывающих в наше время нормы русского литературного языка, особо выделим языковую моду, на чем и остановимся более подробно.

В среде носителей русского языка известны и употребительны различные приветствия, различающиеся стилистической окраской, степенью употребительности и сферой функционирования, но являющиеся при этом именно приветствиями: *Здравствуй! Здравствуйте! Добрый день! Добрый вечер! Доброе утро!* (стилистически нейтральные, общеупотребительные); *Приветствую Вас!* (несколько архаическое, с коннотацией торжественности, уместное лишь между лицами, находящимися в официальных отношениях); *Привет! Салют!* (разговорные, фамильярные, уместные в неофициальной обстановке, при наличии неофициаль-

ных отношений между говорящими); *Приветик!* (разговорно-просторечное, сниженное, иронически-шутливое, возможное только в неофициальной обстановке, между лицами, находящимися в неофициальных отношениях); *Хэлло! Хай!* (заимствованные, являющиеся принадлежностью молодежного жаргона) и др.

С точки зрения синтаксиса, все эти приветствия являются непредложенческими коммуникатами (т.е. коммуникативными единицами, представляющими собой реакцию на слова собеседника или ситуацию, но не обладающие грамматическим значением предикативности); Г.В. Валимова и О.Б. Сиротина называют их релятивами [3—5]. *Русский речевой этикет требует, чтобы на приветствие отвечали тоже приветствием.* Не ответить собеседнику на его приветствие, проигнорировать его — значит проявить к собеседнику неуважение: «вольное» — при желании унижить, оскорбить — или невольное, — когда при отсутствии такого намерения говорящий просто не отличается хорошим воспитанием. В обоих случаях нарушенными окажутся не только речевой этикет, но и морально-этические нормы, принятые в культурном обществе. То, что все приведенные выше релятивы являются именно приветствиями, доказывается, в частности, их взаимозаменяемостью (разумеется, при условии их стилистической однородности или стилистической нейтральности), например:

- Приветствую Вас!
- Здравствуйте!
- Здравствуй!
- Добрый день!
- Хай!
- Привет! и т.д. и т.п.

В последние годы достаточно частотной стала ситуация, при которой говорящий, позвонив по телефону и обратившись с приветствием к тому, кто ответил на звонок, слышит в ответ: «Да» или «Добрый», т.е. возникают такие «диалоги»:

- Здравствуйте!
- Да.

Или:

- Добрый день!
- Добрый.

При этом реплика «Добрый» в ответ на приветствия *Добрый день!* или *Добрый вечер!* часто звучит не только по телефону, но и по радио, и при непосредственном, личном общении говорящих. Ничего, кроме шока, такая речевая ситуация не может вызвать.

Реплики-реакции «Да» и «Добрый!» шокируют того, кто первым поздоровался, потому что они не соответствуют ни стилистической, ни синтаксической норме, а, кроме того, нарушают правила речевого этикета. Каким образом это можно доказать?

Во-первых, в норме реплика-релятив «Да» функционирует как ответ на вопрос. Но звонивший никакого вопроса не задавал, он только поздоровался с адресатом и в ответ ожидает только приветствия, а его-то и не последовало. Выска-

зывание «*Добрый!*» может быть или тоже ответом, притом неполным, на вопрос (например: *Сергеев добрый человек? Как вы думаете?*), или же подтверждением предыдущей реплики, содержащей аналогичную информацию (например: *Мне кажется, Сергеев добрый человек. — Добрый.*) Но ничего подобного в ситуации с приветствиями не было: ни вопроса, ни сообщения, которые нуждались бы в ответе или подтверждении, не прозвучало. Следовательно, в обоих случаях произошел коммуникативный сбой: приветствие говорившего фактически было **проигнорировано, т.к. он не получил ответного приветствия**. А значит, был нарушен речевой этикет, поэтому говорящий испытал эмоциональный шок, подобный тому, какой может испытать человек, протянувший руку для пожатия, когда эту руку вольно или невольно не заметили.

Во-вторых, то, что релятив «*Да*» и неполное предложение «*Добрый!*» никак не могут интерпретироваться как приветствия, можно доказать тем, что они не характеризуются той взаимозаменяемостью, о которой шла речь выше; так, нельзя представить себе такого обмена «приветствиями», как, например:

- Добрый!
- Здравствуй!

Или:

- Да.
- Добрый.

Или:

- Привет!
- Добрый!

Или, наконец:

- Добрый!
- Добрый!

В-третьих, сочетания *Добрый день!*; *Доброе утро!*; *Добрый вечер!* являются устойчивыми и неразложимыми; подобно другим фразеологизмам, их значение не складывается из суммы значений входящих в них компонентов, поэтому в качестве приветствий они могут употребляться только в полном своем составе. «Извлечение» из их состава и самостоятельное употребление только одного компонента разрушает эти фразеологические единицы, лишая их значения приветствий.

Чем же объяснить распространившуюся моду на такое квазиприветствие? Можно указать две причины.

Первая состоит в действии закона экономии произносительных усилий: разумеется, сказать *Добрый!* проще, чем *Добрый день!*

Вторую причину можно усмотреть во влиянии иностранных языков. Так, в немецком языке в непринужденной обстановке допустим такой обмен приветствиями:

- Morgen!
- Morgen! (вместо Guten Morgen!)

Аналогично в английском:

- Morning!
- Morning! (вместо Good morning!)

Возникает вопрос: а оправдывает ли наличие этих двух причин описанную русскоязычную ситуацию? Отнюдь нет. Что касается экономии произносительных усилий, то в данной речевой ситуации она абсолютно неуместна, т.к. адресат *сэкономил на приветствии*, чем проявил вольно или невольно свое непочтительное (или невнимательное) отношение к собеседнику. Что же касается приведенных «экономных» приветствий в английском или немецком языках, то там они допустимы, поскольку, как видно из примеров, это обмен именно приветствиями, чего, как было показано, в русской речи нет.

Итак, распространившаяся в последнее время мода на квазиприветствия «Да» и «Добрый!» приводит к нарушению языковых (синтаксических и стилистических) норм литературного языка и к нарушению правил речевого этикета. Не случайно прекрасный стилист Б. Акунин в своем романе «Внеклассное чтение» дал этому модному нарушению норм точную и уничтожающую характеристику [6]:

«Николаас набрал номер мобильного телефона жены.

— Я, — раздался в трубке знакомый хрипловатый голосок.

Сколько раз Фандорин говорил жене, что она разговаривает по телефону совершенно **недопустимым** образом! Ну что это, в самом деле: вместо «алло» или на худой конец «слушаю» — грубое «я», а в ответ на вежливое «добрый день!» — **по-хамски кургузое «добрый!»?** (выделено нами — О.К.)

В связи со сказанным напомним статью академика В.И. Абаева «Лингвистический модернизм и дегуманизация науки о языке», где ученый писал: «Когда общество вступает в полосу духовного кризиса, оно начинает судорожно хвататься за все новое. Но так как это делается в условиях идейной опустошенности и оскудения, то поиски нового идут преимущественно по линии формы, формальных средств, формальных ухищрений, формальных вывертов. Содержание же, если оно вообще существует, остается крайне убогим и примитивным» [Цит. по: 7].

Требование *разумного консерватизма* (или *нормативного консерватизма*) отнюдь не означает пропаганды *пуризма*, т.е. полного отвержения всего нового, независимо от того, целесообразно ли это новое или нет, отвечает ли оно особенностям (системным, стилистическим) русского языка или нет; если новации отвечают требованиям коммуникативной целесообразности и соответствуют особенностям системы и структуры языка, то они могут считаться вполне оправданными. Требование же нормативного консерватизма означает, что носители литературного языка должны не бездумно следовать языковой моде, а критически относиться к различным новациям и не спешить объявлять их новой нормой, если их заботит само существование русского литературного языка — единственного, что еще объединяет народы России. В особенности это необходимо помнить филологам, преподавателям вузов и школьным учителям, речь которых должна служить образцом для младшего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избранные труды. — М., 1959. — С. 50—62.
- [2] Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. — СПб., 1999.

- [3] *Валимова В.Г.* Функциональные типы предложений в русском языке. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1967. — С. 133.
- [4] *Валимова В.Г.* К вопросу о коммуникативных единицах // Вопросы синтаксиса русского языка. — Ростов-на-Дону, 1971.
- [5] *Сиротинина О.Б.* Лекции по синтаксису русского языка. — М., 1980. — С. 93—95.
- [6] *Акунин Б.* Внеклассное чтение. — Т. 1. — М., 2002.
- [7] *Исаев М.И.* Василий Иванович Абаев. — М.: Наука, 2000. — С. 104.

NORMATIVE CONSERVATISM AGAINST LANGUAGE FASHION

O.A. Krylova

Department of general and Russian Linguistics
Faculty of Philology
People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The author of the article gives reasonable grounds for the conscientious and critical attitude to language innovations. It is the purpose of the article to show how groundless fashions in language violate the stylistic norms and speech etiquette. To preserve the codified norms is an optimum condition for the existence of the literary language.

Key words: language fashion, language norm, conservatism of norm, language policy, speech etiquette, relatives.